

ВЕЛИХАН МИРЗЕХАНОВ

Власть, демократия и «разумное правление» в переходных обществах

Утрата геополитической биполярности привела к активизации усилий по формированию нового мирового порядка, политической формой которого становится демократия. В этих условиях процесс модернизации переходных обществ все более оказывается под сильнейшим воздействием Запада и сводится к освоению институтов и норм западной либеральной демократии. Однако процесс этот противоречив и неоднозначен, ибо ни одно из трансформирующихся обществ не в состоянии отрешиться от собственного прошлого, своих традиций и норм политической жизни.

Сегодня, когда демократия навязывается как универсальная ценность, когда именно с точки зрения демократии осуществляется пересмотр политических характеристик африканских режимов, важно концептуально переосмыслить всю сложность исторического развития переходных государств.

Конец 80-х – 90-е годы XX в. отмечены драматическими событиями в Субсахарской Африке. Повсюду – в Габоне и Камеруне, Конго и на Мадагаскаре – правящие режимы столкнулись с городскими волнениями, с обострением межэтнических противоречий, с активизацией религиозности на политической сцене. В большинстве стран произошло крушение однопартийных систем.

В разных странах Черной Африки события эти протекали неодинаково. Суверенные конференции и национальные форумы, установление многопартийности и проведение выборов, имевших порой широкий резонанс, – все это вселяло большие надежды. Однако процесс демократизации сталкивается с трудностями, остается уязвимым, насилие и деспотизм все еще широко распространены. Политические реформы во многом были инициированы западными правительствами и фондами. Они находят в Африке и «разумное правление», и «права человека», и даже достаточно умеренную демократию в обстановке крайней бедности, нищеты и отчаяния. Запад напрямую увязывал продолжение своей экономической и финансовой помощи с «прогрессом» в политической области¹.

¹ *Makinda S. M. Democracy and Multiparty Politics in Africa // The Journal of Modern African studies.* 1996. Vol. 34, № 4. P. 555–556.

В этой связи необходимо проанализировать такие базовые понятия, как «демократия», «разумное правление», «права человека» применительно к Африке, и выработать адекватную методологию исследования путей общественно-политического развития современных африканских государств. Субсахарская Африка, более чем какой-либо другой континент, явилась предметом многочисленных политических экспериментов, к тому же часто противоречивых. Этот регион – классический полигон, где можно исследовать совокупность обществ, в которых обнаруживается нечто противоположное тому, что лежит в основе западного представления о «нормальном» обществе.

Не приписывая Черной Африке какой-либо исключительности, попытаемся выявить особенности правления и функционирования власти в Африке, установить формы взаимодействия социокультурной среды и политических институтов в африканских государствах.

Очень существенно то, что Африка часто ассоциируется с варварством, с вечным голодом и даже с кровавым зверством². Именно такая картина вырисовывается на основе сообщений, передаваемых об Африке средствами массовой информации, выискивающими сенсации. В результате кажется, что африканский континент категорически отрицает все элементарные законы исторического развития человечества. Однако попытаемся понять Африку глубже. Вспомним слова крупного историка Ф. Броделя: «Существует настоящее зрелище, наиболее волнующее душу, – это зрелище трансфера культурных ценностей в Черную Африку... Черная Африка, без сомнения, утратила свои прежние отношения с Египтом и со странами Средиземноморья... Но сегодня многое изменилось: это и вторжение машин, и развитие образования, и рост современных городов, и большое влияние Западной Европы, несмотря на то, что оно еще не проникло в самую сердцевину... И если бы мне надо было лучше разобраться в этих сложных культурных эволюциях, я сравнил бы последние дни Византии с ходом развития современной Черной Африки»³.

Попытаемся дистанцироваться от широко распространенных теоретических моделей, претендующих на универсальность и поддерживающих парадигмы однолинейного развития (как марксистских, так и либеральных). Примем идею о том, что мир обладает разными типами скоростей (как это пытался доказать Аристотель вопреки последователям Платона). Отсюда, без сомнения, вытекает вывод, касающийся принципов изучения направлений развития «другого» мира, живущего своей жизнью, даже если в нашем понимании она представляется возмутительной и недостойной.

Ф. Линц сделал очевидной эту мысль, приведя эпизод из воспоминаний знаменитого французского ученого-генетика Жана Бернара: «В 1989 г. он был приглашен японскими коллегами на открытие конгресса по биоэтике, где изложил идеи и взгляды Французского Национального Комитета по этике на проблемы пересадки органов, генетической терапии и т. п. Следующим оратором был буддийский монах высокого ранга, который начал

² Péemans J.-Ph. Crise de la modernisation et pratiques populaires. Au Zaïre et en Afrique. Paris: L'Harmattan, 1997. P. 7.

³ Braudel F. Ecrits sur l'Histoire. Paris: Flammarion, 1969. P. 313.

свое выступление со слов о том, что он с большим вниманием прослушал выступление французского коллеги, но он, буддийский священник, не знает о дне своего первого рождения, впрочем как и второго, и третьего. Не имеет он представления также и о том, в каких животных вселялась его душа за время его многочисленных медитаций. Поэтому все эти истории о врачебной этике, об исключительности генетики и т. д. совершенно ничего для него не значат»⁴.

Этот знаменательный эпизод, похожий на анекдот, может быть перенесен и на ревностных защитников «прав человека», «разумного правления» и демократии в Африке, которые, искренне желая «географического» сближения различных культур и обществ, плохо чувствуют параметры и символику удаленных (неевропейских) цивилизаций. «Во многих культурах существует постулат о неизбежном неравенстве людей, — справедливо замечает М. Синглетон. — Тот факт, что в них больше говорят о *Homo Hierarchicus*, чем о *Homo Aequalis*, вовсе не делает их менее почтительными к правам человека, нежели в западноевропейской цивилизации»⁵. Кроме того, он не уверен, что тот, кого лишают предписаний Всеобщей декларации прав человека, осознает свое положение, и то, что «даже, если кто-то и поможет ему это осознать, еще не говорит о том, что он попытается изменить свое положение — особенно в том направлении, в котором будет выгодно его «попечителям»⁶. И если сегодня Африка действительно политически больна, то это не потому, что она не уважает «универсальные ценности», установленные западными покровителями, а скорее, наверное, потому, что она не разбирается в суррогатах и лжеэтиках, заменивших ее собственные пути развития и внутреннюю логику исторического процесса.

Все сказанное делает чрезвычайно актуальным вопрос о ритме истории, вопрос, который возник сравнительно недавно. Нужно скромнее рассуждать о возможном, предполагаемом и тем более о непредвиденном. Новое и непредвиденное можно предугадать, только учитывая взаимодополняемость парадоксального и противоречивого, обманчивого и притворного, временных равновесий и многоуровневых конфликтов. Принимая такие методологические принципы, необходимо отказаться от всяческих идеологических стереотипов и произвольных мыслительных конструкций, от всей предопределенной схемы идей и мыслей. «Никто не может отрицать, — писал П. Ле Ру, — что большие катастрофы обрушиваются на страны, обладающие всем необходимым, чтобы преуспеть, только потому, что их правители оказываются пленниками неприспособленных схем и идей»⁷.

Не являются ли «демократия» и «разумное правление» сегодня чем-то вроде той самой непроверенной схемы будущего? Во всяком случае, можно констатировать, что методы использования и применения этих базовых концепций создают серьезные затруднения в академическом мире.

⁴ La Revue Nouvelle. 1993. № 3. P. 109.

⁵ Singleton M. De la connaissance sociologique a la reconnaissance des droits de l'homme Politiques de Population // Etudes et Documents. 1991. Vol. IV, № 4. P. 63.

⁶ Ibid. P. 62.

⁷ Цит. по: La République sud-africaine. Etat des lieux. Paris: IFRA—Karthala—MSHA, 1993. P. 66.

В труде «Правление и политика в Африке» Г. Иден и М. Браттон высказывают сомнение в том, что концепция демократии и демократизации поможет в компаративных исследованиях 90-х годов. Сепаратизм, корпоративный характер политических требований африканских оппозиционеров, абсолютное превосходство социально-политической элиты над земледельческими обществами, разнородный характер движений протестующих масс, где существуют различные противоречивые городские интересы (от полупролетариев до привилегированных функционеров), – все это усложняет развитие демократии⁸. Пока еще «разумное правление» и «демократия» продолжают вдохновлять достаточно большую группу ученых-африканистов, однако некоторая их часть уже ставит акцент на необходимости более углубленных исследований культурных и цивилизационных особенностей, сложных взаимоотношений государства и общества.

Отстаивая такие принципы исследования африканских обществ, мы тем не менее, сталкиваемся с определенным числом методологических трудностей.

Первая из них заключается в самой интерпретации данного «времени мира», а конкретнее, в утвердившейся недавно вере в некоего рода «конец истории», по выражению Ф. Фукуямы⁹. Согласно этой вере, картина мира ясна, игры истории уже сыграны, даже если огромные геополитические пространства сопротивляются еще господствующей в мире рыночной экономике и либеральной демократии, которые составляют (или обязаны составлять) ось и отправную точку для всех общественных формаций и цивилизаций. И совершенно неважно, что в настоящее время большинству из них на этой орбите скорее плохо, чем хорошо.

Этому воистину пророческому видению, которое в итоге только возрождает старые постулаты эволюционистов, марксистских и либеральных, можно противопоставить другую позицию, в которой акцент делается на расколе современности (А. Турен, З. Лаиди), что предполагает в плане геополитики и развития человеческого общества хаос и нарушение общепринятой на Западе системы ценностей¹⁰.

Согласно А. Турену, мы присутствуем сегодня при расколе современности, который совершается через ускоряющийся разрыв с рационалистической системой мышления и рационалистической моделью поведения, господствующей в мире с периода Просвещения. Эта модель, этот рациональный выбор «не может быть больше интегрирующим принципом культуры; с одной стороны, утверждение Эроса Ницше и Фрейдом против общественного закона и морали; с другой стороны, подъем национальных богов, сопротивляющихся универсализму рынка и денег; с третьей стороны, концентрация промышленных предприятий и банковских империй, лидеров индустриального общества, утверждающих свою волю завоевывать и властвовать, которая выше холодных рекомендаций учебников по менеджменту; на-

⁸ Hyden G., Bratton M. Governance and Politics in Africa. London: Linne Rienner Publishers, 1992. P. 26, 52–53.

⁹ Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1989. № 5; Fukuyama F. The End of History and The Last Man. London: Hamish Hamilton, 1992.

¹⁰ Touraine A. Critique de la modernité. Paris: Fayard, 1992.

конец, революция желаний, которые уходят из-под общественного контроля, поскольку они больше не ассоциируются с общественной позицией»¹¹.

Причем разрыв поля демократии происходит путем воспроизводства зон традиционализма, сосуществующих с современным динамичным пространством. «Это все потому, что демократия сегодня открыта, потому что она очень интегрирующая и гибкая, потому что изъятие зон патриархальности весьма драматично, в то время как в иерархичном, неподвижном или малоподвижном обществе, как в старом доме, было полно защитных уголков и тайников... Чем больше наше общество становится открытым и равноправным, тем больше оно принимает маргинальность и отклоняется от тех культур, которые живут по другим общественным нормам, несмотря на то, что эти накопленные индивидуальные и коллективные ценности представляются многим опасными, в особенности приверженцам норм и ценностей *mainstream*»¹².

Раскол современности обнаруживается эмпирически и в том, что проявляется сегодня как «расхлябанный мировой порядок», по выражению З. Лиди. С окончания холодной войны мы видим, как вырисовывается от Нигерии до Индии, пересекая Бразилию, Иран и Китай, рельеф постиндустриального мира, основанный больше на дезорганизации, чем на интеграционных процессах, базирующийся больше на разделенных стратегиях, чем на глобальном мировом проекте¹³. Сегодняшний геополитический раскол означает, однако, только то, что мы движемся к некому хаосу и привыкаем к безумию всякого насилия.

Большинство специалистов продолжает противопоставлять ведущие и зависимые страны, как замечает С. Д. Краснер, обращая внимание на стойкость авторитарных режимов по отношению к либеральным, которые ориентированы на рынок¹⁴. Появляются новые феномены, например, исламский фундаментализм, пытающиеся влиять на перестройку общемирового сознания. Теперешнее «мировое время» скорее является временем двойственности, нестабильности и дезорганизации. «Если оформление шкалы общечеловеческих ценностей, сознания в мировом масштабе остается приоритетным для ведущих держав, его истолкование и его выражи уходят все больше и больше от своих инициаторов и эмитентов»¹⁵.

В этих условиях важно выяснить, не будут ли далеки от своих носителей действия по политическому реформированию и демократизации, не станет ли эта деятельность в конечном итоге только мерами по чистке фасада: многопартийность (без демократии), выборы (без настоящего выбора)... В таком случае «реформирование» фактически узаконивает старые авторитарные режимы, к тому же обеспечивает старым правящим элитам легитимность «новых» структур, насыщенных явным деспотизмом.

¹¹ *Touraine A.* Op. cit. P. 171.

¹² *Ibid.* P. 386.

¹³ *L'ordre mondial relâché. Sens et puissance après la guerre froide.* Paris: Presses de la Fondation nationale des sciences politiques & Berg, 1992. P. 33.

¹⁴ *Krasner S. D.* *Structural Conflict. The Third World Against Global Liberalism.* Berkeley: University of California Press, 1985.

¹⁵ *L'ordre mondial relâché...* P. 38.

Вторая методологическая трудность содержится в путанице, которая может возникнуть между теориями «разумного правления» и «демократии». Очень важно различать эти два понятия, которые относятся к разным сферам. Как показывают многочисленные примеры, можно иметь первое без второго. Так, Япония смогла отлично освоить «разумное правление», но при авторитарном и иерархическом режиме: «революция Мэйдзи» была рождена не просвещенной буржуазией, а исходила от самураев, от класса воинов и интеллектуалов, которые захотели восстановить власть микадо (императора) в условиях острого национального кризиса и сумели подавить сепаратизм даймё¹⁶. То же самое можно сказать о более современных опытах социальных реформ (Мексика, Турция, Чили, Таиланд, Южная Корея), которые показывают, что экономические успехи никоим образом не связаны с живучестью политического плюрализма и предпринимательского индивидуализма и являются результатом способности авторитарных государственных систем прагматически проводить в жизнь «длительное развитие».

Отметив несовпадение между «разумным правлением» и демократизацией, необходимо также затронуть вопрос о возможности применения к африканской эволюции понятия «демократия» в его широком значении. Известно, что демократия возникла исторически раньше, чем государственные институты. Нам никуда не уйти от интуитивной токвильевской концепции равенства условий, которое в центре истории. Демократия уходит своими корнями в далекую историю, ее зачатки обнаруживаются уже в «паломниках Бога» августианской мысли и в «общности верующих» пророка Мухаммеда: отныне все люди равны перед Богом, хотя они не равны перед владыками. Отношение к последним кардинально меняется после Великой Французской буржуазной революции и американской революции. В обоих случаях Декларация прав человека становится основополагающей политической хартией, однако ее положения часто будут нарушаться.

Неравенство условий самовыражения личности характерно для исторического развития Африки. Африканцы не знали правовых норм и политических форм, свойственных Западу. Современный уклад был там внедрен принудительно и насильственно, и новая колониальная администрация во многом смела скрытый потенциал традиционных обществ.

Естественно, системы правления, утвердившиеся в колониальной Африке, тоже были привнесены извне. Но для нашей темы важнее тот факт, что механизмы колониальной государственной власти были полностью усвоены и внедрены правящей элитой независимых африканских государств. Большинство африканистов отмечают высокую степень преемственности политических институтов в независимой Африке по отношению к колониальным порядкам¹⁷. Эта преемственность выражается главным образом в силовых методах управления.

Невозможно перечислить всю номенклатуру современных «царьков» в Африке, утверждающих насилие и жестокость государства, разрастающих-

¹⁶ *Morishima M.* Capitalisme et confucianisme. Technologie occidentale et ethnique japonaise. Paris: Flammarion, 1987. P. 135–136.

¹⁷ См.: *Chabal P.* Pouvoir et violence en Afrique post-coloniale // *Politique Africaine*. 1991. № 42, juin.

ся, как корневище, еще в зародыше гражданского общества. «Это контрнасилие здесь, — писал П. Шабаль, — сваливает вину на существующую власть или на ее представителей в обществе, но больше на тех, кто не в состоянии сопротивляться: самый сильный нападает на самого слабого. Это объясняет частично размах и остроту всех преступных форм (агрессию, преступность, кражи), от которых все больше и больше страдают африканские города»¹⁸.

Исследуя проблему приложимости демократии к африканским реалиям, остановимся на проблеме представительного правления. «Демократия, — пишет Ален Турен, — не может существовать, если выбор между многочисленными управляющими не соответствует защите различных интересов и мнений»¹⁹. Слова «выбор» и «интересы» являются здесь фундаментальными. Можно сколько угодно приумножать партии и выборные органы, назначающие исполнительную власть, но это еще не гарантирует представительство народа и защиту различных интересов и мнений. В Африке сегодня не существует других целей, кроме борьбы группировок за ресурсы.

Наконец, европейский тип демократии предполагает также осознание гражданства и принадлежности к коллективу, основанному на праве, а следовательно, на активном участии в политических выборах. Чтобы избежать неверных интерпретаций, не будем привязывать понятие «гражданин» к понятиям «нация», «народ» или «республика»; предпочтем им концепции участия и ответственности, согласия на суверенитет, заботливое обсуждение общего блага, что предполагает одновременно консенсус, конфликт и компромисс²⁰.

Кроме «демократических» выборов или Национальных Конференций, развернувшихся недавно в Африке, необходимо понимать, в какой степени участие населения в общественной жизни остается случайным в системах, всегда воспринимаемых как авторитарные, и по отношению к которым население взяло привычку практиковать бесконечную двойственную линию (стратегию) бегства от государства как колониального, так и постколониального. Историческая глубина, так же как и разнообразие этой стратегии, которую Ж. Ф. Байяр назвал народными формами политических действий, характеризуются не столько повторяющимися мятежами, сколько невидимыми сетями, оставшимися после разметки границ, активным и пассивным сопротивлением по отношению к некоторым сельскохозяйственным экспериментам; проникновением колдовства или чародейства в политическую жизнь и т. д.²¹

Чтобы говорить о «почве для демократии», нужно действительно задуматься над тем, как внедряется в среде управленцев в Африке «разумное правление» в том значении, которое подразумевает под этим Всемирный банк. Теоретически никто не оспаривает значения четырех принципов правления, которые он выдвигает: государственный сектор со здоровым управлением, открытость информации и ясность в решениях, установление легаль-

¹⁸ Chabal P. Pouvoir et violence... P. 57.

¹⁹ Touraine A. Op. cit. P. 382.

²⁰ Habermas J. Ecrits politiques. Paris: Cerf, 1990.

²¹ Bayart J. F. L'énonciation de la politique Modes populaires d'action politique. Paris: CERF, Bulletin de Liaison, 1985. Mars.

ного звена для развития и выработка ответственного поведения у вершителей судеб²². Можно, тем не менее, удивиться приблизительным оценкам и недоговоркам «тайного пакета», содержание которого больше является идеологическим продуктом, типичным для либеральных и плюралистических доктрин, чем теоретической работой по «правлению», подходящей для африканского политического и экономического поля. Главная проблема, пожалуй, заключается в возрождении кредита доверия населения к власти.

Такой же концептуальный вакуум сопровождает понятие ответственности, определяемой как качество, которым должен обладать любой агент государственной службы. Ответственность кого и перед кем, посредством каких механизмов и в какой области? Эти вопросы не находят точного ответа в документах международных организаций и программах Национальных Конференций, в которых не содержатся такие аспекты «ответственности», как ответственность перед этнической клиентурой, перед группами давления или перед представителями зарубежных фондов, частных и государственных. Что касается разговоров о «законных рамках развития» и о «правовом государстве», то подразумеваемая логика здесь такова: чем больше законов и правил, тем благоприятнее условия для развития. На самом деле многочисленные исследования историков доказывают, что при строительстве рыночной экономики «формальные и законные институты играют менее значительную роль, по сравнению с той, которую могут играть общественные образования и обычные неформальные механизмы»²³. Таким образом, для исследования такой обширной проблемы, как политическая демократия, без сомнения, необходим критический анализ всех ее компонентов. Интересные суждения по этому вопросу высказал известный американский ученый В. Остром: «Мы оставили множество идей, которые были определяющими в американском обществе. Мы не знаем и не можем знать, что является самым большим благом для самого большого числа людей. Мы должны открыть наши карты и ввязаться в критическую дискуссию с коллегами по поводу идей создания будущего общества, способного формировать и воспроизводить различные формы человеческого союза. Мы могли бы тогда не допускать проблематичных ситуаций вместо того, чтобы стараться их разрешать. Я сомневаюсь, что демократии смогут пойти дальше»²⁴.

Власть необходимо корректно исследовать, чтобы не видеть ее там, где ее нет. Государственная власть в странах Африки необязательно диктаторская, еще менее тоталитарная, на континенте не было диктатуры в классическом значении этого понятия... Можно даже выдвинуть тезис об «отсутствии» власти в западном смысле в Африке, поскольку и сама администрация, и в целом африканские государства имеют неглубокие исторические корни. «Колониальная администрация, — пишет Доминик Дарбон, — была навязана, прежде всего, как объект обмена, продажи... Она никогда не была западным административным референтом веберовского типа, а была системой социального управления, внесенной извне, которая управляла только некоторыми инте-

²² The World Bank. Governance and Development. Washington, 1992.

²³ The World Bank. Governance and Development. P. 45–46.

²⁴ Ostrom V. Democracy, Governance and Development. Virginia, 1991. 18–20 september.

ресами, связанными с вывозом»²⁵. Степень вставания, укоренения структур власти колониальных администраций в африканские общества была весьма незначительной, маловыраженной. Постколониальные государства сохранили эту традицию, в них наблюдается относительно слабое проникновение администрации в население и наличие широких «зон неопределенности», как выразился М. Крозье. В Африке южнее Сахары установилась вертикально иерархизированная структура власти и общества. Вертикально иерархизированное государство, которое не обладает горизонтальными связями, — это преимущественно латентное, отсутствующее государство. Там, где власть вынуждена постоянно наращивать механизм контроля за контролем, разрывы по вертикали между социумом и структурами власти неизбежны. Они и будут заполняться нелегитимными структурами управления, в частности, мафией.

По нашему убеждению, никто лучше, чем африканские писатели, не рассказал о реалиях власти в Африке, ее особенностях, иногда о ее смехотворной природе, часто о безумии, к которому она может привести тех, кто правит, и тех, которыми управляет.

В романе «Ante-peuple» С. Л. Танзи одновременно с историей любви рассказывает историю тирании, обезумевшей от вседозволенности. Этого можно избежать, по словам автора, только «сбросив одежду, и закутавшись в лохмотья безумцев и бегая по улицам»²⁶. Причем власть превращает в безумцев не только тех, кто злоупотребляет ею, как безумием, но и тех, кто испытывает на себе произвол, влекущий за собой многие другие африканские болезни. В «Пакте крови» П. Н. Нкашама, высшие должностные лица государства в поисках средства, которое воздействовало бы на политических противников, предаются актам «политической» антропофагии, разделяя сердце министра, чтобы создать между собой единство «на жизнь и на смерть»²⁷. Диктатор Са Матрак, герой Т. Моненембо, слегка «тронулся», потеряв свое королевство, одновременно становится «безумным» и тот, кто уходит в партизаны, чтобы ему противостоять²⁸.

В «Круге тропиков» А. Фантур оппоненты партии Месси-Кои симулируют коллективное безумие в ответ на акцию официальной власти, обвинившей оппозицию в выпуске удава на оживленном рынке, чтобы посеять панику среди населения²⁹. В некоторых цитируемых произведениях правители скрывают свою ипохондрию, формируя учреждения, легитимизирующие безумие: дома сумасшедших, тюрьмы, «специализированные центры», где живут в тесном соседстве репрессии, безумие и, в конечном итоге, — смерть. Обложенный, с одной стороны, безумием и репрессиями, а с другой, голодом и нищетой, бесправный народ обнаруживает симптомы ненависти, апатии и страха, которые разрушают его идентичность.

Весьма иронично, даже развязно изображен дух Конголома Соке, бога хитрости и противостояния, бога покровителя власти, который обрек Вангре-

²⁵ Darbon D. Administration et Société // Les Afriques politiques. Paris: Editions la Découverte. P. 174, 176.

²⁶ Tansi S. L. L'anté-peuple. Paris: Seuil, 1983. P. 185.

²⁷ Ngandu Nkashama P. Le pacte de sang. Paris: L'Harmattan, 1984.

²⁸ Monenembo T. Les crapauds-brousses. Paris: Seuil, 1979.

²⁹ Fantoure A. Le cercle des tropiques. Paris: Présence Africaine, 1972.

на, героя романа Амаду Ампат-Ба, на непреодолимое восхождение, устраняя бесконечными хитростями и комбинациями его черных и белых врагов на его пути к вершинам власти. Это движение продолжится до тех пор, пока герой не потеряет свое ценное кольцо, связывающее его с богом – покровителем власти и пока он не умрет как алкоголик во рве, ночью во время бури³⁰.

У Амаду Ампа-Ба власть не развращает Вангрена, в котором, хотя и живет «дух хитрости», подталкивающий его постоянно к амбициозным притязаниям, всегда остается склонность к доброте. К своему последнему пристанищу Вангрена провожают бедняки, слепые, убогие и даже его заклятые враги.

Писатель из Нигерии Уше Ониябади исследует в своих героях коварство и двоедушие. Интрига романа «Человек из народа» связана с деревенской историей, действующими лицами которой становятся богач, политический «босс», «Чиф» Нанга и его протеже – блестящий выпускник университета – Одилу Самалу, душа которого соглашается стать любовницей «Чифа». В этом театре абсурда и политиканства главные действующие лица постоянно апеллируют к народу, чтобы захватить и удержать власть. Причем к народу обращаются за поддержкой и правители, и оппозиционеры. Согласно У. Ониябади, этот народ не может быть арбитром конфликта: «Он не только невежественный, но и очень циничный. Скажите ему, что этот человек использовал свой пост для самообогащения, и он спросит, как это сделал мой отец, кто вы такой, чтобы выплевывать сочный кусок, который положила вам в рот fortuna»³¹.

Здесь нет безумия, которое убивает; но есть сладко-горькое безумие, когда успех любого дела, предприятия определяется словами и покоится на языке с двойным подтекстом, на несоизмеримости, и, особенно, на магии опоры, упоминания «мой народ»³². В Африке, как, впрочем, и везде, в любых ситуациях власть предрасполагает предпочитать говорить «от имени народа».

«Есть слова, которые не обладают больше никаким политическим смыслом, – пишет по этому поводу заирский публицист Л. М. Йоке. Это, прежде всего, слово «народ»... которое в устах политиков побивает рекорд за рекордом по статистике манипулирования им. Народ, следовательно, становится нематериальной реальностью, бесформенной массой, которой можно придать форму в соответствии с политической ситуацией... Этот мифический народ становится то магическим вдохновителем, то источником всех бед. Народ похож на персонаж Годо, загадочный персонаж, о котором все говорят с жадностью, которого все ждут как мессию, но который остается всегда недоступным»³³. Восходит ли власть к безумию или просто к любовным деревенским историям, власть как смесь насилия и смертей, причудливых образов и узнаваемых фигур, безусловно, имеет человеческий облик. Она окружает себя тайнами и странностями. Ошибочно воспринимать эту власть банально как дьявольскую, исходя исключительно из моральных критериев. В произведениях африканских писателей реальность часто соединяется с

³⁰ *Hampate-Bâ A. L'étrange destin de Wangrin // Union générale d' éditions, Collection 10/19. 1973.*

³¹ *Onyebadi Uche. A Man of the People. London: Heinemann, 1986. P. 2.*

³² *Idem. How to be a Nigerian Politician? Lagos: Stallion Communication Ltd., 1990.*

³³ *Le Soft de Finance. Kinshasa. 1991. 11 novembre.*

авторским вымыслом: власть оценивается и изображается через факты борьбы одних против других, в этой странной битве в качестве оппонентов очень часто выступают «младшие» и «старшие».

Если вспомнить, что в Африке власть не оценивается через такие векторы, как «демократия» или «разумное правление». Конечно, были некоторые попытки пойти в этом направлении, но абсолютно преобладали совсем другие траектории политического развития, другие стандарты управления.

Сегодня средства массовой информации, иностранные дипломаты стремятся стимулировать прозрачность, ответственность и другие достоинства кандидатов, идущих на смену нынешним правителям. Но зададимся вопросом: поиск «ответственных политиков» действительно ли идет и определен народом? Меньше всего можно быть уверенным в этом.